

Владимир ГУСЕВ

ИГРА

С БЕСКОНЕЧНОСТЬЮ
ПОВЕСТЬ

— Все, можем ехать! — улыбнулась Лана, усаживаясь на переднее сиденье.

Главушин молча набрал на панели адрес Института, задал скорость («весьма быстро») и нажал на белую клавишу стартера. Мобиль рванулся стремительно, словно камень, выпущенный из пращи. Кресло, мгновенно садаптировавшись, мягко обволокло спину.

— Отшлепать бы тебя сейчас хорошенько! Через полчаса прямой эфир, а я еще даже не в лаборатории!

— Мы что, сильно опаздываем? Ты даже не взглянул на блузку, которой так домогался!

Филипп усмехнулся.

Тебя я домогался, а не блузки. Но так и не домогся...

— В ней ты эффектна, как никогда! Уверен, этот прелестный «полуинтим» поднимет наш индекс популярности сразу на десять пунктов!

Комплекты «прозрачный лифчик — полупрозрачная блузка» вошли в моду давно, лет пять назад. И, судя по всему, не собирались из нее выходить еще как минимум столько же времени. Но экстравидение, как всегда, отставало, и лишь с полгода тому в студиях зашебетали первые «белогрудые ласточки».

— Все-таки не понимаю я мужчин, — посетовала Лана. — Выставлять на всеобщее обозрение то, что предназначено для одного-единственного...

— Это — заповедь девятнадцатого века, — живо возразил Главушин. — Ничто не стареет так быстро, как мода и мораль. Прятать такое великолепие от чахнувших без красоты мужчин ни одна современная девушка не станет!

Филипп отыскал глазами тускло проступающие сквозь блузку и лифчик волнующие (и недоступные пока!) маленькие темные диски, наклонился и осторожно коснулся губами нежно-розовой щеки. Больше всего ему хотелось сейчас впитаться в эти манящие диски губами — вначале в один, потом в другой, снова в первый... Вчера тоже хотелось, и позавчера. Но Лана была непреклонна.

«Вот поженимся, тогда!» — ошеломила она его неделю назад дикой фразой. Главушин даже не сразу понял, что она имеет в виду.

— Да, теперь уже — ни одна, — нахмурилась Лана.

Филипп улыбнулся.

— Что в этом смешного? — вскинулась Лана. — Что?

— Ты заметила, я сказал «современная», а не «нормальная»? Одно время мне в самом деле казалось, что ты чуть-

чуть... с завихрением... При такой красоте и до двадцати с лишним лет сохранить... остаться недотрогой...

— Я догадываюсь, мои предшественницы были более сговорчивы.

— Не суди меня строго. Я же не знал, что где-то на земле подрастает девочка, которая скоро меня самого сделает ненормальным!

— Ой, страдалец! — лукаво улыбнулась Лана. — Не волнуйся, сегодня твое пламенное желание исполнится, — добавила она вдруг тихо, опуская длинные ресницы.

Главушин на мгновение замер. Ослышался или..

— А твое? — ляпнул он неожиданно для самого себя, проклиная свою — чисто профессиональную — привычку не оставлять без ответа ни одну реплику собеседника.

— И мое тоже, — все так же тихо сказала Лана и впервые посмотрела на Филиппа так по-женски откровенно, что его руки сами собой потянулись...

Лана резко отстранилась.

— Но не сейчас!

Мобиль круто повернул (оба кресла послушно повторили маневр, избавляя пассажиров от малейших неудобств) и выскочил на набережную.

Филипп облизал пересохшие губы.

Сегодня. Мое. Пламенное. Желание. Исполнится...

Слева, за балюстрадой, серо колыхалась вода, на далеком противоположном берегу зеленел лес.

Я тоже не понимаю женщин. Пардон, если это правда, девушек. Почему — именно сегодня? Она что, первое совместное появление на экстране чем-то вроде помолвки считает? Впрочем... Может быть, Лана и права.

Филипп придирчиво оглядел свою спутницу. Блузка «полунитим» и в самом деле очень шла ей. Пышная многослойная юбка чуть выше колен прекрасно смотрится. Впрочем, сейчас, когда Лана сидит в низком кресле, — намного выше...

— Хорошо, что ты не управляешь мобилем вручную, — улыбнулась Лана. — Иначе быть бы аварии.

Филипп с трудом оторвал взгляд от высоко оголенных, обтянутых наимоднейшими «мерцающими» колготками бедер и, перегнувшись через подлокотник, осторожно поцеловал девушку в краешек губ.

Наконец-то! Три месяца Лана делала вид, будто не понимает, что еще, помимо безупречных внешних данных и журналистской хватки, требуется от ассистентки Короля Научного Репортажа. Филипп решил уже было пригласить другую, более сообразительную ученицу, но потом... Потом он вдруг, проклиная все на свете, сделал Лане предложение. Она ответила, что подумает. Больше они на эту тему не говорили. И только сегодня над неприступной крепостью мелькнул наконец-то белый флаг. Но не сменит ли его ближе к вечеру испытанный в боях боевой штандарт?

Главушин скосил глаза в зеркальце. Довольно отчетливые морщинки на лбу, не истребимые никаким массажем и чудодейственными снадобьями мешки под глазами... Только усы торпачатся по-прежнему воинственно. Неужели Лана и в самом деле, как это говорили в старину... влюбилась?

— А правда, что герой предстоящей передачи участвовал в самой первой Игре с бесконечностью? — спросила Лана и погладила нежными пальчиками шрам на правой руке Филиппа.

— Правда. Сегодня пойдет фрагмент из той Игры. Ему было тогда столько лет, сколько мне сейчас, а мне — сколько тебе. Первая моя самостоятельная передача. И единственная, которая шла в записи. Уже вторую выпустили в прямой эфир. Вначале, правда, зрители не верили, что наблюдают действительно пионерские эксперименты, результаты которых непредсказуемы. Но во время третьего репортажа взорвалась установка, в которой пытались получить абсолютный вакуум, три человека погибли... Эта метка с тех времен.

— Я знаю. Многие зрители называют тебя «человек со шрамом». Почему ты не заростишь его? Сейчас медики это легко делают.

— Профессия не позволяет. Ты заметила, все репортажи я стараюсь вести летом или в помещении и ношу рубашки только с коротким рукавом? Увидев шрам, зрители сразу вспоминают: прямой эфир! И десять пунктов индекса популярности — мои! А соответственно — и прибавка к гонорару.

Мобиль, задрвав капот, взлетел на эстакаду и плавно впился в поворот.

Хорошая машина. Хотя стоит... Как раз прибавка за десять пунктов на нее и пошла.

Филипп накрыл ладонью пальчики Ланы, поднес их к губам, поцеловал.

А может быть, у нее и в самом деле по-настоящему? Как, кажется, и у меня?

Ассистентки — непременно молодые, непременно красавицы — приходили и уходили, и каждый получал свое. Они — Большой Экстран, азы профессионализма и отличное начало карьеры, Филипп — немного женской ласки и два-три пункта индекса популярности. Но Лана...

— Странно все-таки устроена жизнь, — сказала девушка, разглядывая разноцветные дома-пирамиды, медленно проплывавшие с правой стороны. — Двадцать лет назад никому не известный безусый репортер взял интервью у столь же безвестного, хотя уже и не столь молодого магистра неведомых наук. А теперь вдруг оказывается, что один стал нобелевским лауреатом, другой — невероятно популярным ведущим экстравидения...

— Усы у меня тогда уже были, — возразил Филипп. — Ты удивляешься случайности, на самом деле здесь — железная закономерность. Благодаря той, самой первой, Игре

Вольняев смог получить солидные средства для продолжения исследований, я — право на продолжение цикла. Через пять лет Алексей Вадимович предложил мне сюжет еще для одной Игры — и мой индекс популярности взлетел под облака, а ему... Полагаю, на ту Нобелевку были и другие претенденты, не менее достойные. Но о них знали тысячи, а наша программа впервые была показана по глобальному экстратевиению. Так что... Пик Славы мы штурмовали парой, в связке, потому и добрались до вершины. Те же, кто карабкались поодиночке, почти все сорвались или в лучшем случае застряли в промежуточных лагерях.

Филипп замолчал, скользнул взглядом по встречному потоку разноцветных мобилей.

А еще мне здорово помог Новичаров, бессменный режиссер передачи. И деловым советом, и своими обширными связями. Без его помощи я никогда не стал бы Королем. Но об этом мало кто знает, Лана, например, даже не догадывается. Новичаров, наверное, и сам мог бы стать ведиколепным ведущим. И почему он отказался от славы, непомерных гонораров и прочих приятных вещей — для всех до сих пор загадка.

— А меня ты используешь... в качестве шерпа? — тихо спросила Лана, пристально глядя Филиппу в глаза. — На сколько, ты сказал, поднимется твой индекс благодаря моим прелестям?

— Прилично, пунктов на десять. Но все-таки меньше, чем из-за умело показанного шрама. Ты можешь расторгнуть контракт в любой момент, хоть прямо сейчас. Я и один проведу Игру. Предложение выйти замуж останется, разумеется, в силе. Но отказаться от участия во Всесолнечной передаче...

Главушин пожал плечами и отвернулся. В конце концов, поклонниц у него всегда было предостаточно. Обмен явно неэквивалентен: дает он гораздо больше, чем получает. Лана — первая его ассистентка, которая до сих пор, кажется, не поняла этого. Хотя уж ей-то он готов отдать все, решительно все...

— Не сердись. Я и не собираюсь отказываться. Просто в наших отношениях есть что-то... чего не должно быть.

«Правильная ты моя девочка!» — хотел сказать Филипп и уже было протянул руку, чтобы нежно обнять свою прелестную спутницу, но в это время где-то совсем рядом ударил соловей: «Чок! Чок!»

Главушин нажал на клавишу. На плоском экране видеофона тотчас появилось лицо пожилого мужчины с большими усталыми глазами и маленькой интеллигентной бородкой.

— Филипп Иванович?

— Доброе утро, Алексей Вадимович! У вас, надеюсь, все в порядке?

Кажется, нет. Иначе бы Вольняев не звонил. У него все

было готово еще три дня назад. Неужели установка отказала? Но есть ведь резервная...

— И да, и нет, — улыбнулся главный герой очередной Игры.

— Эксперимент можно проводить, передатчик и приемник работают безукоризненно. Но нужно ли его проводить, вот в чем вопрос... Я тут пообщался с одним молодым человеком, и он убедил меня — ни в коем случае!

Ничего себе заявочки! Он что, с ума этой ночью съехал?

— Боюсь, отменить эксперимент уже невозможно. Прямое включение во Всесолнечную экстравидеосеть — вы представляете, что это такое? Миллионы, миллиарды разочарованных абонентов по всей Системе, астрономическая стоимость неустойки...

Филипп поежился. Слово ледяным ветром пахнуло из открытого окна мобиля...

А еще — бесславная смерть Короля Научного Репортажа, конец многолетней серии «Игр с бесконечностью»... Вольняеву-то что, сошлется на законы научной этики, разыграет эдакого благородного рыцаря, жертвующего блестящим научным результатом ради безопасности помощников... и репортеров! Своей собственной, конечно, тоже. Но об этом он умолчит.

— И все же... И все же я отказываюсь от эксперимента, — выдохнул, словно сбрасывая тяжелую ношу, Вольняев.

— Но почему?!

Филипп наклонился над экраном, сверля взглядом усталые — и наивные до придурковатости, черт побери! — глаза собеседника. А левая рука в это время незаметно нажала голубую клавишу. Теперь их разговор видит и слышит режиссер Игр, Захар Новичаров. А вместе с ним, надо полагать, и кто-нибудь из команды аналитиков. Положение серьезное, один Захар может и не справиться. Лана тоже это поняла, даже юбку одернула. Да, теперь не до забав.

— Бесконечность непригодна для игр. Нет, не так. С бесконечностью нельзя играть. С нею нужно на «вы» и шепотом. Каждый ход должен быть тщательно просчитан, учтены все следствия и возможные побочные эффекты...

Вольняев забубнил что-то про шахматную партию, которую человечество начало играть против супергроссмейстера, не разобравшись толком, как ходят фигуры. Главушин, изображая неусыпное внимание, надел очки типа «репортер», зажал в левом кулаке пульт управления, включил канал связи. «Что будем делать, Зах?» — беззвучно проговорил он, тщательно артикулируя слова.

«Отменять Игру не стоит, — тотчас пропищал в левом ухе искаженный, но вполне узнаваемый голос Новичарова. — Индекс ее популярности падает, если сегодняшняя не состоится — все, финиш. Лучше грандиозный скандал, чем бесславная кончина. Время еще есть, что-нибудь придумаем».

Новичаров прав. Если даже установка взорвется, это будет

лучше, чем отмена передачи. Лучше, пожалуй, и самого успешного-разуспешного эксперимента...

... — А еще лучше — вообще оставить бесконечность в покое! Рано нам еще в такие игры играть! — сверкнул глазами Вольняев.

Ого! У старичка вдруг прорезался характер! Интересно, кто это его так здорово обработал? Еще вчера не было сомнений, а сегодня... Тоже нет сомнений — но уже в противоположном!

Лана смотрит тревожно, словно птица, к гнезду которой подбирается змея. Первый выход на большой экстран — и вот на тебе! Успокаивающий жест: не волнуйся! Все будет хорошо!

— Я прекрасно понимаю вас, Алексей Вадимович. Но отменить передачу... Нет, это совершенно невозможно. Поздно, слишком поздно!

— Но я... я отказываюсь! — протестующе замахал руками Вольняев.

— Предлагаю компромисс. Передача начнется вовремя, как и планировалось. Но вместо Игры, вместо эксперимента мы проведем дискуссию. И если мне за отведенное время не удастся вас переубедить... Что ж, так и будет.

Мобиль круто свернул с магистрали в боковую улицу.

Прекрасно. Через три минуты мы уже будем в лаборатории. А там...

— Но я не готовился к спору! — удивился Вольняев. — И выставляться перед всей Солнечной системой...

— Я тем более не готовился. Но другого выхода у нас нет, — твердо ответил Филипп. — Мы уже прибыли. Так что через несколько минут продолжим разговор очно.

Главушин выскочил из мобиля, едва он остановился, окинул беглым взглядом Университетскую площадь.

Трейлеры с аппаратурой на месте, антенны развернуты. Недалеко от входа в Институт рабочие заканчивают монтировать огромный экстран. Это — для особо рьяных поклонников, фанатиков Игры с бесконечностью, которые хотят не только видеть все почти в натуре, но и находиться как можно ближе к эпицентру событий. Ждут, наверное, пока опять что-нибудь взорвется...

Несколько поклонниц с голографиями в руках подбежали к мобиле. А одна ничего, пожалуй, еще красивее Ланы. Полу-прозрачная кофточка — и без лифчика! «Интим», самая последняя мода. Дать ей автограф, чтобы Лана поменьше о себе воображала?

— Извините, не сейчас. После передачи, пожалуйста. Извините, опаздываем!

Филипп открыл дверцу, помог выйти Лане. Галантность — прежде всего. Правила этикета не должны нарушаться, даже если рухнет мир.

«Зах, аналитики на месте?»

«Да».

«Постарайся усилить их группу».

«Уже сделано. Два доктора и один богослов на подходе».

— Хорошо.

При чем тут богослов? Впрочем, Захар знает, что делает. В такой ситуации трудно угадать, что может пригодиться.

— Что? Что «хорошо»?

— Это я Новичарову. Тебе тоже пора надеть телеочки. Обстановка может измениться каждую секунду.

Уже изменилась. Перед самым входом в высокое золотисто-стеклянное здание десятка два человек в длинных черных одеждах и нелепых головных уборах. Солнце нагрело голубые пластобетонные плиты, и в легком поднимающемся мареве фигуры кажутся чуть расплывчатыми.

Так вот почему Захар пригласил богослова!

Монах и обворожительная молодая женщина в комплекте «полуинтим»? Прекрасно! Особенно если он молод и, не удержавшись, остановит взгляд на груди собеседницы...

— Захар, срочно оператора ко входу! Здесь какая-то демонстрация, сюжет пойдет в вечерний выпуск новостей.

«Принято, Согласен».

Беглый взгляд на Лану. Задача ясна?

Где же оператор? Ага, вот он, бежит от мобиля, утыканного антеннами, рискуя упасть и разбить экстримеру.

— О чем спрашивать-то? — нахмурилась Лана. В телеочках с «мерцающей» — в тон колготкам! — оправой она стала похожа на прекрасную бабочку.

— О погоде.

Не удержался-таки. Ну и дурак. Большие синие глаза потемнели, словно вода в бездонном озере, когда туча закрывает солнце.

— Понятия не имею о чем. Это забота аналитиков. Не волнуйся, они подскажут вопросы. Ну, ни пуха! Как закончишь, сразу к нам, на тридцать шестой этаж.

Погладил плечо, коснулся губами щеки, стараясь не зацепить носом телеочки. Тучка тотчас растаяла. Неужели у нее — серьезно?

Филипп взглянул на браслет. До начала передачи пять минут. Но первая часть идет в записи, так что время еще есть.

Да, чуть не забыл!

Замедлив шаг, Главушин повернул голову, полюбовался стройными ножками.

Лана оглянулась.

Проверила, смотрю ли. Странная она все-таки. Ей об интервью надо думать, а она — о мужчине, которого, однако, ближе чем на поцелуй не подпускает. Не охладел ли? Желанна ли?

— Да, Лана, и попробуй оттянуть их от входа. Кажется, это не демонстрация, а пикет.

Сами монахи не стали бы, конечно, пикет — одна из форм

насилия. Но за их спинами — теперь это ясно видно — маячат и миряне, настроенные весьма воинственно.

— Постараюсь! — улыбнулась ассистентка.

Тебе это не составит большого труда. Тем более что прием достаточно хорошо отработан.

«Лана, первый вопрос, после того, как назовешь себя: «Какую организацию вы представляете?» — запищал в левом ухе голос Лени Циркалина, руководителя бригады аналитиков.

Главушин переключился на соседний канал. Вечерние новости — не главное. Есть еще время для монтажа и подчисток. А вот Игра...

Лана подошла к монахам, что-то сказала. Оператор заматал вокруг нее с трехголовой, словно Змей Горыныч, экстрамерой на плече. Черная шевелящаяся масса скрыла соблазнительную полупрозрачную блузку, колыхнулась вправо, и стали видны открытые двери. А возле них — два дюжих молодца в зеленых майках и зеленых же круглых шапочках без козырьков.

Они и не подумали отойти от входа. А на Лану даже не взглянули.

«Зах, вход заблокирован», — беззвучно сообщил через телеочки Главушин, ускоряя шаг.

«Как заблокирован? Десять минут назад там были только монахи, а они не посмели бы»...

Все-таки слабоват Захар для ведущего. Пугается по каждому пустяку...

«Вызываю наряд!»

«Отставить. Поздно. Попробую сам».

Филипп сместился вправо, так, чтобы темная колышущаяся масса заслонила его от тех, перекрывших вход.

Здание большое, должны же у него быть еще подъезды?

Затемнив очки и взлохматив волосы, Главушин с быстрого шага перешел на бег, а приблизившись к толпе, спуртовал. Обогнул монахов, резко затормозил у дверей.

— Ребята, быстро! Они пробиваются со служебного входа, нужна подмога!

— Где это? — встрепенулся рослый широкоплечий парень, отлипая от косяка настежь распахнутой двери. Второй, подозрительно прищурившись, готовности броситься на помощь не выказал. Лишь спросил сквозь зубы:

— Кто «они»?

— Рядом, за углом! Быстрее, не то упустим! — прикрикнул на мямлю-второго Главушин и, ухватив за майку на животе, потянул прочь от заветной двери.

— Бегите, я сейчас! — молниеносно изменил он направление движения на противоположное, как только путь внутрь здания оказался открытым.

Где же лифты? Кажется, слева за колоннами. Если на первом этаже ни одного нет — бегом на аварийную лестницу.

К счастью, двери одной из кабин оказались открытыми. Благообразный старичок с жиденькой седой бородкой пытался втолковать автомату, что ему нужно подняться на «соок сестой этас», не догадываясь просто набрать код на клавиатуре.

Главушин вскочил в лифт, скомандовал: «Тридцать шестой, срочно!» — и лишь после этого оглянулся. Трое парней в зеленых майках только-только, мешая друг другу, ввалились в двери.

«Кто не успел — тот опоздал», — вспомнил Филипп древнюю поговорку и улыбнулся.

Перед отделанной голубым пластиком дверью лаборатории прогуливались двое блюстителей. Прямой эфир — это вам не что-нибудь-как, мало ли какой сумасшедший задумает вразумить человечество, наставить на путь истинный. Во время пятой Игры не уследили, один чудака влез-таки в фокус экстример и начал, размахивая руками, кричать: «Люди! Вы все умрете! Слышите! Вы все, все умрете! И я тоже умру!» Решил, бедолага, поделиться с миром сделанным накануне открытием...

Один из блюстителей лениво взглянул на карточку-пропуск, дружелюбно махнул рукой: «проходи!»

— Там, внизу, пикет и демонстрация каких-то монахов. Как бы не произошло чего... — счел своим долгом предупредить Филипп.

— Знаем, знаем. Не волнуйтесь, все необходимые меры приняты. На входе наши люди, никого постороннего они не пропустят.

— Да нет там ваших! В зеленых майках стоят, а вашнх...

— Это они и есть. Сержант уже сообщил, что вы прошли, — ухмыльнулся блюститель с тремя восьмиконечными звездочками на погонах.

— Позаботьтесь, чтобы они провели наверх мою ассистентку и оператора, — хмуро полупопросил-полуприказал Главушин.

— Не волнуйтесь, Филипп Иванович, делайте свое дело. А нам оставьте наше, — развязно посоветовал второй блюститель, распахивая перед Главушиным дверь.

По сравнению со вчерашним днем, когда прошла генеральная репетиция, здесь ничего не изменилось. В центре большого зала — экспериментальная установка, похожая на огромного паука, небольшое возвышение перед нею, несколько передвижных экстример в разных точках большого зала, скачущие операторы в углу...

Вольняев, бледный и торжественный, в сером безукоризненном костюме, нервно прохаживался вокруг своего детища, сцепляя и распцепляя за спиной длинные чуткие пальцы.

Великий экспериментатор...

А рядом с ним, невидимо передвигая ноги под длинным

темным одеянием (кажется, ряса называется?), плыл юный монах с нежным девичьим лицом.

Уж не он ли так ловко обработал нобелевского лауреата? Да нет, слишком молод... Хотя...

Миша Деловеев, главный оператор, пулей вылетел откуда-то слева, завопил, размахивая руками:

— Что же ты?! Три минуты до выхода! А где Руслана?

— Сейчас подойдет, Ты, главное, не волнуйся. Вначале крутится десятиминутная запись. Так что все будет хорошо, и мы поженимся.

— А что старик кочевряжится, знаешь? Свадьба может расстроиться!

— Знаю, знаю. Включай свои тарахтелки, начинаем.

Пожав плечами — дескать, мое дело маленькое, экстрамеры я включу, а ты выпутывайся как знаешь, — Деловеев засемянил в угол к операторам. Филипп подошел к Вольняеву со всей доброжелательностью, на которую только был способен, протянул руку:

— Здравствуйте, мэтр! Рад вас видеть!

После короткого рукопожатия Алексей Вадимович резко отдернул руку, поманил ею, на мгновение оглянувшись, молодого монаха. Тот подошел. Быстро, но все-таки подошел, а не подбежал.

— Познакомься, это отец Тихон, мой духовник. Что, не ожидал? Я, представь себе, тоже. Думаешь, сдурел на старости лет? Ну и думай. Неисповедимы пути... Мы с тобой давно уже не встречались, поэтому ты не знал.

— Уж не вы ли так скверно повлияли на Алексея Вадимовича? Срыв Игры — удар не только по передаче, но и по репутации академика и нобелевского лауреата.

Смотрит светлыми детскими глазами и молчит. Икону из себя изображает...

— О моей репутации вам беспокоиться не следует, — воинственно задрал бороду Вольняев. — Я сам о ней... не беспокоюсь. Потому как всю жизнь полагал: заботиться нужно о мыслях и делах, а не о репутации.

Да, переубедить его будет непросто. Скорее всего невозможно. Но эксперимент должен состояться в любом случае. В любом.

— Я все-таки не понимаю, что произошло. Еще вчера вы, Алексей Вадимович, радовались, простите, как ребенок, что вновь добились права на Игру. А сегодня вдруг...

— Не вдруг, — невежливо перебил Главущина Вольняев. — Сомнения у меня были и раньше. И я высказывал их, если помните. Причем неоднократно.

— Совершенно верно. Дважды вы предлагали превратить генеральную репетицию в премьеру. Но это противоречит самому духу Игры с бесконечностью. Я вынужден напомнить: во время наших передач у экстравизоров собирается по два-три миллиарда зрителей не для того, чтобы узнать очередную

научную новость, но во имя со-участия в ее рождении, сопереживания с экспериментатором. Во время паших передач каждый, подчеркиваю, каждый экстразритель чувствует себя ученым, выпытывающим, вырывающим у матушки-Природы ее очередную тайну...

«Фил, передача началась! Через десять минут прямой эфир!» — пропищало в левом ухе.

— ...И вы хотите лишить миллиарды людей, с нетерпением ждущих сейчас начала эксперимента, радости соучастия в нем? Передача уже началась. Прямое включение через десять минут. Давайте зайдем наши места. Вы тоже хотите поучаствовать?

Главушин мягко взял обоих за рукава (один жестко-серый, другой мягко-черный) и решительно повел к столику.

Видите, как я покладист? И смел к тому же. Открыть дверь в «прямой эфир» незнакомцу — на это способен далеко не каждый ведущий! Но монах, конечно, откажется. Потому что выставиться на всеобщее обозрение без единой репетиции — самоубийство!

Отец Тихон кротко наклонил голову.

— Благодарю вас. Я постараюсь убедить экстразрителей в пагубности этой дьявольской затеи.

Ну-ну. Хотела синица море зажечь!

«Зах, ты слышал?»

«Да. Прекрасная идея. Самое главное — втянуть их в Игру. И этого ты уже почти достиг. Bravo, маэстро!»

Как их лучше разместить? Планировалось: Лана, Вольняев, я. А теперь? Монах, я, Вольняев? Нет: отец Тихон, академик, я.

Главушин призывно махнул рукой, крикнул:

— Миша, держите наготове кресло для Ланы. Но пока не ставьте.

— Само собой! — обиделся Деловеев.

Ну-ну. Молод еще, потому и не знаешь: само собой у нас ничего не делается. Даже лучшая на всем экстравидении программа.

И Вольняев, и его духовник наконец уселись в креслах. Угнездились. Отец Тихон по-прежнему молчит. И зачем только его академик пригласил? Понятно, если бы это был, скажем, сын. Реклама, имидж — первое дело для карьеры молодого человека. Но монаху-то какого монаха здесь нужно?

— Мы не против соучастия. Однако в данном конкретном случае... передача должна идти в записи, — ударил кулачком по складке на колене Вольняев.

— Число экстразрителей сразу упадет на два порядка. Вместо двух миллиардов — какие-то двадцать-тридцать миллионов. Вам будет трудно получить средства для следующего этапа работ, — тщательно улыбнулся Главушин. Этим искусством он владел в совершенстве. В его арсенале были улыбки вежливо-издевательские, иронично-вежливые, сверхвежли-

вые и почти доброжелательные, приветливо-насмешливые и т. д. и т. д., вплоть до обезоруживающе-надменных и подобострастно-наглых. Тщательная — это где-то между вежливо-саркастической и просто вежливой. — Поймите, люди устали от суррогатов и заменителей. Им хочется настоящего, неподдельного, того, что раньше называли естественным...

«Не выкладывай все свои козыри! Наоборот, нужно заставить отца Тихона и Вольняева засветить как можно больше их аргументов, чтобы у аналитиков было время подготовиться».

...— Сами же знаете, у нас все синтетическое: от искусственных зубов до внушенной любви. Научные факты, да и то, пожалуй, лишь в момент рождения — единственное, так сказать, что сохраняет натуральность,

Филипп разозлился.

Аргументов он захотел! Времени для раздумий! А если монах или, как его там, священник, ни слова, словно обет молчания дал?

— Вы, кажется, согласились заменить эксперимент дискуссией, — еле слышно сказал Тихон, но Главущин вздрогнул, словно от окрика. — Она уже началась? Мы в эфире?

— Нет. Сейчас идет записанный ранее фрагмент. Миша, включи контрольный экран.

На площадке перед столиком — экстра-экране, или сокращенно экстране, — тотчас возник профессор Вольняев — молодой, нервный в движениях, энергичный. Позади него на салатово-зеленой стене висел большой плоский дисплей, на специальной подставке слева покоился беспросветно-черный шар величиной с арбуз. Клубок Ариадны... Знаменитый клубок Ариадны, размотав который Главущин и Вольняев устроили свои судьбы.

Отец Тихон встрепнулся, впился жадным взглядом в экстраобраз, потом перевел взгляд на академика.

Он что, впервые видит эту запись? Прекрасно. Пока разберется, что к чему...

— В таком случае, Алексей Вадимович, зачем сейчас приводить свои доводы? Чтобы потом повторяться? Давайте лучше посмотрим экстравидеозапись, — предложил отец Тихон.

— Да, пожалуй, — согласился Вольняев.

Видимо, они заранее договорились не раскрывать карты. Слышал, Новичаров?

На экстране молодой Вольняев подошел к дисплею, высветил на нем правильный треугольник.

— Каждую сторону треугольника разделим на три равные части и среднюю часть заменим двумя отрезками длиной эль малое, деленное на три, где эль малое — длина стороны исходного треугольника.

«Фил, а что теперь будем делать? Аналитики говорят, им будет сложно вот так сразу, без подготовки вести дискуссию. Они... Они, мягко говоря, отказываются».

«И готовы расторгнуть контракт?» — беззвучно и зло спросил Фил в ларингофон телеочков.

— Повторим эту операцию многократно, — сказал молодой Вольняев на экстране. — Как видите, если на первом шаге полученная нами ломаная линия имела всего лишь шесть зубцов, то на четвертом она больше всего похожа на снежинку уже с шестьюдесятью шестью мелкими зубчиками, — прокомментировал молодой профессор, будущий академик и нобелевский лауреат.

Монах вцепился в подлокотники кресла и не отрывал глаз от экстрана. Вольняев теперешний, скрестив на груди руки, взирал на себя тогдашнего с легкой, чисто иронической улыбкой. Молодо — зелено, дескать, молодо — зелено...

«Нет, но... — загрустил в левом ухе голос Новичарова. — Я все-таки не понимаю, как мы выкрутимся».

«Сколько у нас сейчас экстразрителей?»

«Два с половиной миллиарда. Представляешь, какой конфуз будет?»

Главушин до боли сжал кулаки.

Не будет, не будет... Только как этого добиться?

— И каждый третьеклассник без труда может посчитать, что на эн-том шагу увеличения количества зубчиков длина составляющей снежинку ломаной линии эль большое равна три эль малое, умноженное на четыре третьих в степени эн, где эн — номер шага.

Вольняев написал указкой на дисплее простенькую формулу, после которой, помнится, индекс восприятия упал вдвое, и на экстрастудию градом посыпались раздраженные звонки самодовольных тупиц, уверенных, что если они не понимают какого-то момента, то этого не понимает никто.

— Из приведенной мною формулы любому старшекласснику очевидно, что при бесконечном увеличении числа разбиений эн длина нашей ломаной линии, называемой, кстати, «триадическая кривая Коха», стремится к бесконечности. Самое интересное, однако, что при этом площадь, занимаемая «снежинкой», остается конечной! — торжествуя взмахнул кулачком молодой Вольняев. И после двухсекундной паузы (видимо, вспомнив сто раз повторенный наказ Главушина излагать вопрос с минимумом научных терминов) пояснил: — Слово «конечный» в данном случае используется как антоним термина «бесконечный». То есть триадическая кривая Коха, имея неограниченную длину, имеет тем не менее ограниченную площадь. Справедливо это, конечно, лишь в том случае, если толщина линии, которой нарисована кривая, бесконечно мала. Будь ее толщина, скажем, хотя бы одна десятая миллиметра, полная длина кривой составит всего лишь сорок метров для первоначального треугольника со стороной в один метр.

— Значит, профессор, подержать бесконечность, так сказать, в руках все-таки нельзя? — спросил, неожиданно появив-

шись в пространстве экстрана, самоуверенный молодой человек с невысоким лбом, окаймленным жесткими черными волосами и с черными же аккуратными усиками.

Филипп вздрогнул.

Неужели я таким был? Этот апломб, эти нелепые потуги выглядеть значительным, за которыми, как совершенно очевидно любому неглупому человеку, ничего не стоит, — неужели?

— Именно так все и считали до недавнего времени, и я в том числе. И никому не приходило в голову, что между загадочными черными шарами, выброшенными вместе с пеплом и вулканическими бомбами при очередном извержении вулкана Авачинский, и конечно-бесконечной триадической кривой Коха есть какая-то связь. Как говорится, в огороде бузина, а в Киеве дядька.

— Но истинный ученый — это человек, который улавливает закономерное там, где другие видят только случайное, и который находит тайные связи между самыми далекими друг от друга явлениями, — неуклюже льстит молодой Главушин.

ТЬфу! Это явно группа аналитиков нажужжала! Или все-таки я сам сподобился?

«Так что ты решил? Как выбираться из дерьма будем, в которое вляпались?» — завопил вдруг не своим голосом Новичаров, и Филиппу захотелось сорвать телеочки, бросить их на пол и растоптать ногами.

«Пока не знаю. И не дергай меня, пожалуйста», — огрызнулся он.

«Так ты думай, думай! Через три минуты уже твой выход! Или ты там экстравизор смотришь, молодость вспоминаешь?»

«Смотрю. А будешь приставать — вырублю», — беззвучно осадил нахала Филипп.

Пусть знает свое место. Фамилию «Главушин» знает вся Солнечная система. А режиссера знаменитой передачи — едва ли тысяча-другая профессионалов экстравидения.

— ...Представим теперь, что триадическая кривая разомкнута и свернута спиралью, точнее, клубком, поскольку далее мы будем говорить не о плоскости, но о трехмерном пространстве, — продолжил пояснения молодой Вольняев. — Так как длина нити бесконечна, то у такого клубка будет, по сути, только один конец! Удивительный объект, не правда ли? Из серии тех, что существуют лишь в воображении ученых: магнит с одним полюсом, черная дыра, то есть тень без света, добро без зла...

Сейчас ударится в философию — равнодушно предположил Главушин. Его молодой двойник на экране, видимо, подумал о том же самом.

— Вы хотите сказать, профессор, что загадочные черные шары... — прервал он начавшийся было монолог.

— ...И есть бесконечно тонкие и в то же время бесконечно длинные нити, смотанные в тугие клубки!..

— Какими смелыми мы с тобой тогда были! — тихо сказал постаревший, сегодняшней Вольняев. Отец Тихон с трудом оторвал глаза от экстрана, взглянул на академика глазами невинной девушки.

— Смелыми и глупыми, — добавил Вольняев, обращаясь скорее к отцу Тихону, нежели к Главушину. — Ставить подобные эксперименты, не просчитав всех вариантов и даже, в сущности, не понимая толком, что собой представляет объект эксперимента, — преступление! Мне надо было не Нобелевскую премию давать, а билет на Астеронды в один конец!

Филипп саркастически-вежливо улыбнулся.

Ну-ну. Пой, пташечка, пой. Вольняев теперь, значит, стал хорошим, а плохой Главушин вынуждает его провести очередной опасный опыт. И если действительно начать дискуссию по этому поводу — это в прямом эфире-то, экспромтом! — обязательно отыщутся три-четыре миллиона легковверных, которые воспримут очевидную трусость как заботу о благе человечества. Опять посыплется требование прекратить «Игру с огнем»... Боязнь научно-технического прогресса снова входит в моду. Только раньше разыгрывали экологическую карту, а теперь — этическую.

— Да-да, на Астеронды! — обиделся Вольняев. — Это не красивая поза и не попытка выглядеть лучше, чем есть на самом деле! Но отныне — глубочайшее внутреннее убеждение!

Отец Тихон, видимо, ждал чего-то подобного: щеки его покраснели от удовольствия.

— Вам виднее, — равнодушно пожал плечами Главушин. — Не я ставил предыдущий эксперимент, не я и премию за него получал. Моя профессия — репортер, и только. Высокие материи нам недоступны, — не удержался он от приторно-вежливой улыбки.

Вольняев вздрогнул, открыл было рот, демонстрируя прекрасные фарфоровые зубы, но отец Тихон чуть заметно развел руками — дескать, зачем? договорились же не спорить раньше времени! — и академик, буркнув что-то нечленораздельное, отвернулся к экстрану.

Жаль, не получилось. Завести их немножко перед дискуссией не мешало бы. Раздраженный противник вдвое теряет в силе. Впрочем, какая дискуссия? Ее нельзя допускать! Это был лишь предлог, а дальше...

Да, но как? И что взамен?

На экстране будущий нобелевский лауреат снял с подставки шар, взял его в левую руку, словно державу, любовно повертел в ладони.

— Как видите, клубок Ариадны совсем не тяжелый, хотя, казалось бы, бесконечная нить, сколь бы невесома она ни была, должна иметь бесконечную же массу. Это лишь одна из неразгаданных пока загадок черных шаров. Еще пример: хотя клубок не отражает ни кванта упавшего на него света,

температура его не возрастает и всегда равна температуре окружающей среды. Это означает, что нить не поглощает фотоны, но, подобно световоду, канализирует их и отправляет туда, в бесконечность...

— Но одну из бесчисленных тайн Ариадниной нити вам, профессор, кажется, удалось разгадать? — чересчур почтиительно, почти подобострастно спросил молодой Главушин.

Филипп поморщился. Молод был, неопытен. Последние годы он ведет себя совершенно иначе. Теперь, когда его известность превзошла все мыслимые границы, самые гениальные умы Земли и системы заискивают перед ним. Ничего удивительного. Ученость всегда склоняла голову перед Славой.

— Именно об этом я и хочу сейчас рассказать. — Вольняев водрузил шар на подставку. — Поскольку нить Ариадны обладает светопроводящими, так сказать, свойствами, возникает вопрос, нельзя ли найти ей практическое применение и использовать для связи между, например, спутником, находящимся на орбите Земли, и космическим кораблем, отправляющимся к соседней звезде. Дело в том, что прочность нити также, по сути, бесконечна, ведь при попытке разорвать ее она просто удлинится во сколь угодно большое число раз. То есть нить могла бы служить идеальным средством передачи информации.

— Однако, профессор, если длина каждого участка нити Ариадны, насколько я понял, также бесконечна, то, если бы вы даже и ухитрились пустить вдоль нее световой сигнал, дожидаться его появления на другом конце отмотанного участка — увы, не удалось бы!

Филипп усмехнулся. Хорошо отработанный вопрос — это два зайца, схваченных за уши одной рукой. Ведущий передачи проявил остроту ума, отметивший — глубокое знание предмета. А сколько раз это репетировалось, про то экстра-рителям знать не положено.

— Совершенно верно! — обрадовался на экстране молодой Вольняев сообразительности еще более молодого Главушина. — Именно в этом и состоит суть эксперимента, соучастниками которого сейчас станут уважаемые экстра-рители! Мы научились вводить... вернее, посылать вдоль нити световой сигнал и, так сказать, выпутывать фотоны из максимально распрямленной, размотанной нити. И сейчас мы попробуем определить скорость распространения света в этом удивительном, демонстрирующем полное пренебрежение к законам природы объекте...

Серая полупрозрачная пелена быстро заволочла экстран. На ее фоне золотом вспыхнула гигантская цифра «восемь», опрокинутая набок, и начала вращаться — сначала медленно, потом все быстрее, быстрее... Дымка стала красной, затем оранжевой, желтой. Превратившись в большое золотое колесо, символ бесконечности взмыл вверх, а на его месте сквозь фиолетовый туман проступила фигура Главушина — вчераш-

него. Именно вчера делалась эта запись. Филипп сидел за столиком, украшенным вазой с цветами, и был одет точно в такой же серебристо-голубой костюм, что и двадцать лет назад. Та же прическа, те же жесты... Но лицо, конечно, изменилось. На лбу и у глаз прорезались морщины, щеки чуть заметно обвисли. И самое главное — глаза. Спокойные, потускневшие, равнодушные... Угас в них азарт, и никакой свет мудрости не может, как оказалось, его заменить.

— Я полагаю, экстразрителям старшего поколения было приятно увидеть фрагмент первой Игры с бесконечностью. Мне, разумеется, тоже. Ведь это — молодость не только ставшей самой популярной на экстравидении передачи, но и наша с вами. Хочу напомнить, что результат эксперимента, проведенного двадцать лет назад, оказался парадоксальным: независимо от длины нити время распространения светового сигнала по ней оказалось равным примерно ста тридцати семи секундам. Это, конечно, противоречило не только теории относительности, но и вообще всей существовавшей в то время физической картине мира. Однако лишь теперь, двадцать лет спустя, стало ясно...

Главушин сделал небольшую паузу и иронично-умно улыбнулся.

— Не то, к сожалению, как этот факт вписывается в имеющуюся парадигму, а то, насколько глубоко это противоречие. Но сегодня... О, сегодня великий день! Вполне возможно, что завеса тайны, окутывающая знаменитые черные шары, будет наконец поднята, и мы узнаем, что это: наследство, доставшееся землянам от древних цивилизаций, дар так до сих пор и не обнаруженных инопланетян или что-то совершенно иное. Как вы уже знаете, в Игру с бесконечностью вновь вступил Алексей Вадимович Вольняев, теперь уже академик и нобелевский лауреат. А поможет мне провести Игру Руслана Просторова, выпускница института экстравидения. Итак, прямое включение!

Филипп нахмурился.

Вот и первый сбой. Ланы-то нет. Но это — небольшая беда. Экстран вновь заволокло серой дымкой, в которой завертелось, набирая обороты, золотое колесо.

Серая дымка — это, конечно, архаизм. Но тридцать лет назад, когда только начинались передачи экстравидения, мгновенная смена образов на экстрани заставляла вздрагивать не только детей и старушек, начинавших тут же испуганно креститься, но и выдавших виды матерых телевизионщиков. Некоторые из них так и не смогли перестроиться на экстравидение. А на смену им пришли такие, как Новичаров и Циркалин, энергичные, предприимчивые, цепкие...

Тускло зажглись юпитеры и, быстро разгораясь, залили новое место действия ярким холодным светом. Над объективом одной из четырех незаметно подползших к столику экстример вспыхнул рубиновый огонек. Золотистое колесо растаяло

в лиловой дымке, и на контрольном экстране Главушин увидел себя самого, сидящего рядом с Вольняевым и Тихоном.

Ну, поехали.

— Здравствуйте, дорогие экстразрители! К сожалению, знакомство с очаровательной Русланой Просторовой придется на некоторое время отложить. По дороге в лабораторию академика Вольняева мы наткнулись на сюжет для программы новостей, и Лана сейчас готовит очень интересный репортаж. Будем надеяться, она успеет к началу эксперимента.

— Здравствуйте, уважаемые экстразрители! — немедленно вмешался Вольняев. — Я вынужден перебить уважаемого ведущего, но дело в том, что сегодня утром, после ночи мучительных раздумий, я принял решение не проводить анонсированную Игру с бесконечностью. Однако организаторы передачи... — он выразительно посмотрел на Филиппа, требуя, чтобы он пояснил позицию организаторов.

— Попросят уважаемого академика, нобелевского лауреата и прочая и прочая все-таки, во-первых, объяснить экстразрителям суть подготовленного физического опыта, а во-вторых, изложить мотивы, по которым изобретатель эксперимента решил отказаться от своего детища.

— Да, но... — замылся Вольняев.

— Алексей Вадимович! У эстравизоров собрались сейчас почти три миллиарда поклонников вашего выдающегося таланта, полгода ждавших очередной Игры. Как вы сможете убедить их, что эксперимент проводить не следует, не сообщив, в чем он должен был состоять? Я прошу вас, в самых общих чертах!

Академик взглянул на монаха. Отец Тихон, сжав левую ладонь в кулак, осмысливал ситуацию. Но думать во время прямого включения — слишком дорогое удовольствие. Вольняев, уже имевший дело с экстравидением, прекрасно понимает это. Не дождавшись совета духовника, он начал говорить. Первые фразы академик произнес медленно и неуверенно, но быстро увлекся и стал походить на себя самого той, почти двадцатилетней, давности.

— Как знают многие из уважаемых экстразрителей, основная проблема использования нити Ариадны в качестве средства связи — трудность ввода в образуемый ею своеобразный световод излучения видимого диапазона. Ведь клубок нельзя «размотать» до конца, работать можно только с «отмотанным» отрезком нити, не разрывая ее. Это сложно, приходится повышать энергию импульсов света, увеличивая их длительность, из-за чего скорость обмена получается очень низкой, достаточной лишь для передачи речи. Да и то при том условии, что практически все введенные в канал связи фотоны будут выловлены потом фотоприемником. Тем не менее...

«Фил, попроси его упростить изложение. Индекс восприятия упал до семидесяти процентов», — пропищал в ухо голос Новичарова.

— Простите, уважаемый академик. Но далеко не все зрители прослушали курс теории передачи сигналов, столь блистательно прочитанный вами на экстравидении в прошлом году. Поэтому, если можно, самую суть...

— Я только хотел сказать, что даже такой канал связи для звездолета, удалившегося от Земли на несколько световых лет, — огромное, ни с чем не сравнимое благо. Собственно, без него полеты к звездам вообще не имели бы смысла. Однако мы не остановились на достигнутом и, как многим, наверное, уже известно, два месяца назад провели передачу по нити Ариадны полномасштабного экстравизионного сигнала между Москвой и Вашингтоном, а затем установили экстрасвязь со всеми звездолетами.

— Я должен пояснить уважаемым экстразрителям, — вмешался Главушин, — что этот, без сомнения, выдающийся результат был получен без вашего присутствия лишь потому, что в соответствии с нашими строгими критериями для Игры отбираются только те эксперименты, результат которых нельзя абсолютно точно предсказать заранее. Как, например, сегодня. Потому что через несколько минут Алексей Вадимович впервые в мире попытается...

Поймав удивленный взгляд Вольняева и негодующий — его молчаливого спутника, Филипп осекся и, смущенно улыбувшись, развел руками:

— Простите. Видимо, подсознательно я никак не могу смириться с мыслью, что столь замечательный эксперимент не состоится. Прошу вас, уважаемый академик, продолжайте.

— Я, собственно, почти закончил. После успешной передачи экстравидеосигнала по нити Ариадны мне пришла в голову любопытная идея. А что, если не вылавливать до последнего фотоны, летящие вдоль нити, а, наоборот, передать мощный экстравидеосигнал туда, к центру клубка? Фактически в бесконечность. Вы помните об уникальном свойстве нити? Время распространения по ней сигнала не зависит от длины! Вся прелесть этой идеи состоит в том, что ровно через сто тридцать семь секунд этот сигнал бесконечности достигнет! Понимаете? Не через бесконечно большое время и даже не через тысячу лет, а всего лишь через сто тридцать семь секунд!

Филипп на мгновение залюбовался Вольняевым, Сверкающие глаза, порывистые, почти юношеские жесты...

— И что тогда? Что могут увидеть уважаемые зрители на своих экстранах?

Плечи Вольняева заметно опустились, взгляд потускнел, и тихим усталым голосом он сказал:

— Не знаю. Да и кто может сказать, что находится там, в бесконечности? Фактически это — граница или даже зарубежье нашей Вселенной. Вот мы куда уже добрались...

— Нет, но все-таки, какие-то предположения или гипотезы у вас были, когда вы добивались права на Игру?

— Да, конечно! — снова оживился Вольняев. — Я надеял-

ся, что через некоторое время на наших экстранах появится ответный сигнал. Понимаете? Если там, за границей Вселенной, есть какой-то разум, он, получив наш сигнал, тем самым как бы побывает здесь, в лаборатории, увидит, услышит и даже прообоняет то, что находится в фокусе экстракамер. И, может быть, пошлет нам ответный сигнал. И тогда все мы смогли бы увидеть то, что находится за пределами Вселенной. Замечательная идея, не правда ли?

— Да, уважаемый нобелевский лауреат! И, я думаю, миллиарды экстразрителей согласятся со мною! Кстати, вы заметили, как точно соответствует эта идея названию цикла наших передач? Ее основатели имели в виду, конечно, бесконечность процесса познания, этой самой увлекательной игры человечества! Но сегодня могла бы состояться Игра с бесконечностью в буквальном смысле! А что вы собирались поместить в фокус экстрамер во время первого сеанса связи?

Вольняев усмехнулся и с вызовом ответил:

— Вам может это показаться нескромным, но в качестве объекта для первой передачи я предполагал использовать... себя самого. Не из тщеславия или даже честолюбия, а потому, что человек — самое удивительное существо Солнечной системы. А еще потому, что именно человек нашел способ общения с бесконечностью. И лишь в третью очередь потому, что открыл эту возможность — я. И, как в старину проектировщик моста, я собирался, образно говоря, встать под ним, когда пойдет первый поезд. То есть — первое сообщение в бесконечность.

— Вы считаете, это представляет какую-то опасность?

— Для того, чей образ транслируется по нити Ариадны, — не ббльшую, чем при фотографировании.

— Тогда почему вы решили отказаться от эксперимента? — искренне удивился Главушин.

— Потому что экстравизионный канал передачи чрезвычайно широкополосен. Я вынужден повторить банальные вещи, но, как прекрасно знает каждый наш уважаемый зритель, на экстране полностью восстанавливается существующая иногда за миллионы километров реальность, что обеспечивается передачей цветного изображения, звука и запаха. А не ответит ли нам бесконечность чем-либо таким, что окажется... ну, скажем, непереносимым для человека?

Например, чем-то inferнально-ужасным или, простите, просто тошнотворным? Кстати, по древнегреческим мифам нитью Ариадны воспользовался Тезей, чтобы отыскать в лабиринте чудовище! А что, если в ответ мы и в самом деле получим образ Минотавра? Я уверен, у экстранов сейчас немало детей. Даже один испугавшийся ребенок, которому потом потребуются врачебная помощь, — разве могу я на это согласиться? Разве уважаемые организаторы Игры с бесконечностью могут это допустить?

Вольняев повернулся к Филиппу, ожидая ответа. Пауза неприлично затягивалась.

«О, эта этическая проблема стара, как мир», — прозвучал в ухе жизнерадостный голос Лени, бригадира аналитиков.

Филипп послушно воспроизвел интонации и продолжил вслед за суфлером:

— И столь же старо ее решение. В цирке коверный в таких случаях предлагал: «Женщин и слабонервных прошу отвернуться!» Мы же сейчас просим экстразрителей с неуравновешенной психикой переключиться на соседнюю программу. Пожалуйста, сделайте это! Пауза:

«Что ты мелешь! — взорвался в ухе голос Циркалина. — Это я для тебя сказал «Пауза»!»

«Сам ты мелешь! Предупреждать надо!» — беззвучно огрызнулся Филипп.

— А мы попросим технический персонал студии по истечении этой паузы сообщить, сколько зрителей потеряла наша программа вследствие этого, несомненно, весьма серьезного предупреждения.

Главушин повернулся к экстрану.

Кажется, волосы немного растрепались. Но это и к лучшему: больше естественности. Где же Лана? Она так хотела показаться на Большом Экстрани...

«Зах, где Лана? Там все в порядке?»

«Не волнуйся, уже на подходе».

Дисплей, медленно проявившийся на контрольном экстрани за спинами участников передачи, высветил надпись:

«Количество зрителей увеличивается на 750 тысяч в секунду».

— Ну вот видите, дорогой академик, наши уважаемые зрители сами в состоянии решить, что им смотреть, а что — нет. И — поздравляю! — выбор их явно в вашу пользу!

Теперь пришла очередь Вольняева растерянно молчать.

— И все-таки, — сказал наконец он, взглянув на отца Тихона, — я отказываюсь проводить эксперимент.

— Но почему? Почти три миллиарда экстразрителей ждут от вас убедительных аргументов «против».

— Мне не хотелось бы отвечать на этот вопрос, — твердо сказал Вольняев. Отец Тихон облегченно вздохнул.

Такого поворота событий Филипп не ожидал. А как же дискуссия? Обвели! Обвели вокруг пальца!

И что теперь?

«Простите, но у многих зрителей возникает подозрение, что вы просто обнаружили ошибку в расчетах или неисправность установки», — подсказал Циркалин.

Филипп медлил.

Это почти оскорбление. Во всяком случае, явное неуважение к нобелевскому лауреату.

«Фил, почему не подчиняешься суфлеру? Говори, что велено, и все будет хорошо!» — протараторил в левое ухо Новичаров.

— Простите, глубокоуважаемый академик, но если вы не объясните вашу точку зрения, некоторые из зрителей, недостаточно осведомленные о вашей безукоризненной научной и житейской, так сказать, честности, могут подумать... что созданная вами экспериментальная установка оказалась... неработоспособной.

Последнее слово Филипп и в самом деле с трудом выдавил из себя, безо всякой игры.

Вольняев был явно ошарашен.

— Смею вас уверить, это не так. Установка, правда, сейчас обесточена, но если подать на неё напряжение, ввести в фокус экстрамер какой-нибудь объект и нажать на клавишу «пуск»...

— Это я убедил Алексея Вадимовича не проводить эксперимент, — подал вдруг голос отец Тихон.

Главушин вздрогнул.

А я-то уж перестал замечать, что на крайнем кресле справа кто-то сидит. Ну-ну, слушаем...

— Если вам удастся убедить в этом и наших уважаемых экстрасредств, проблема будет решена! — обрадованно улыбнулся Филипп. — Сегодняшняя передача так сумбурно началась, что я не успел... Позвольте представить: отец Тихон, духовник академика Вольняева!

— Вряд ли мне удастся переубедить кого-нибудь за несколько минут, — возразил священник. — Слишком далеки сейчас люди от веры. Я не говорю — истинной, я говорю — какой-нибудь!

Религиозный диспут? Этого нам только не хватало!

— Простите, уважаемый, но мне не совсем понятно, какую связь вы обнаружили между верой... или, скажем так, ее недостаточностью, и экспериментом?

— Самую прямую, сын мой, — сказал отец Тихон, обращаясь не к экстрамерам, но к Главушину. И это «сын мой» от молодого, почти юного монаха почему-то не покорило Филиппа. — Вы совершенно правильно заметили, что в эксперименте, который неосторожно был затеян академиком Вольняевым, человек впервые сталкивается с бесконечностью напрямую, лицом к лицу. Но что там, в бесконечности? Вы не знаете этого. Вы даже приблизительно не представляете, что там может быть. Вам подбросили ключ от потайной двери, кратчайшим путем ведущей за границу Вселенной, границу, заваленную, замурованную невообразимыми толщами пространства и времени. Кто подбросил людям дьявольские черные шары? Какие силы могут ворваться через открытую потайную дверцу на Землю, в человеческий мир? Вы не знаете этого!

— Простите, отец мой, — иронично-вежливо улыбнулся Филипп, — но вы говорите так уверенно, словно сами-то уж точно знаете, что находится там, в бесконечности.

Надо, надо было его осадить. Пусть не забывает, кто здесь ведущий, а кто — незваный гость.

— Да, знаю, Ничто.

— Что — ничто? Вакуум?

— Нет. Вакуум способен рождать частицы, в пределах Вселенной он столь же материален, как и мы с вами, хотя и по-другому, на ином, более тонком уровне. За пределами же Универсума находится пустота, невообразимая и зловещая. Она давит на расширяющуюся Вселенную и периодически сжимает ее до предела, до точки. Но, не в силах сотворенную Богом материю уничтожить, отступает, отбрасывается очередным Большим Взрывом. Вы же хотите пропустить пустоту внутрь, в сердце Вселенной. Тем самым вы откроете дорогу дьяволу!

Эк тебя занесло! Ну, с этим мы и без подсказки приглашенного Циркалиным богослова справимся!

— С таким же успехом вы могли бы сказать — Богу! Если действительно творец Вселенной — Бог, то он не может находиться внутри своего творения! И тогда эксперимент окончится чудом, вторым пришествием!

Отец Тихон молитвенно сложил на груди руки, отрицательно покачал головой.

— Вы жестоко заблуждаетесь, сын мой. Ибо сказано: «Сила зла — это активная пустота, активное ничто, несозданная, а потому неподвластная Богу, которая стремится к уничтожению материи, то есть божественного тварного мира». И вот этой-то силе вы, не очертив даже головы, не перекрестившись, хотели открыть двери! К счастью, академик Вольняев внял нашим мольбам и отказался от эксперимента.

Отец Тихон благодарственно улыбнулся, опустил руки.

«Миша, откуда цитата? Из Евангелия?»

«Не знаю. И богослов не знает. Сейчас запустим в компьютер, он скажет».

Жаль, не удалось блеснуть эрудицией.

И что теперь? Финита ля комедия?

«Что дальше? Куда топать-то?»

«Введи в экстран Лану. А мы пока что-нибудь придумаем, Не робей!»

Ну-ну! Подбадривать, спрятавшись за экстрамерами, — для этого ни ума, ни мужества не надо. А мне какво болтаться в их фокусах? Все удары — мои!

Лана выпорхнула откуда-то из-за установки — легкая, стремительная. Все взгляды сразу же перекрестились на ней, притянутые словно мощным магнитом. Вернее, магнетическим полем красоты...

Главушин вскочил, протянул руку, ввел девушку в фокус экстрамер.

«Миша, еще одно кресло!»

«Сей момент!»

— А вот и Руслана Просторова! Прошу любить и жаловать! Мы боялись, что ты не успеешь даже к концу передачи. Что ты готовила?

— Очень интересный сюжет для вечерней программы «Но-

востей». Напрямую связанный, кстати, с нашей передачей. Здравствуйте, дорогие экстразрители! Ритм жизни сейчас настолько ускорился, что, как видите, о новостях приходится говорить еще до того, как успеешь поздороваться!

Впорхнула в незаметно появившееся кресло рядом с отцом Тихоном, плотно жала колени, приветливо улыбнулась... Прелестна! Отец Тихон и тот не удержался, окинул взглядом с головы до ног. И на пленительных полусферах, вздымающих блузку двумя крутыми холмиками, хоть на мгновение, а задержался. Все-таки умница этот Новичаров. Выпустил Лану в самый критический момент. Половина экстразрителей сразу забыла аргументы отца Тихона. А после того, как я их сейчас повторю в чуть-чуть другой интерпретации, — забудет и другая половина.

— Мы тут тоже времени даром не теряли и успели обменяться мнениями по поводу эксперимента.

Взгляд Ланы на мгновение застыл на отце Тихоне, потом метнулся на Вольняева. Наверное, Новичаров что-то подсказал ей. Но почему не продублировал команду и для меня? Правая рука должна знать, что делает левая!

— Значит, я подросла вовремя, как раз к началу?

— Увы! И Алексей Вадимович, и его юный духовник отец Тихон категорически против!

— Почему? — искренне удивилась Лана.

Браво, Новичаров! Прекрасный замысел! Спор между противниками совершенно незаметно переведен в недоумение двух союзников. Вольняеву и отцу Тихону осталось только следить за тем, как быстро их категорическое «нет» сменяется непреложным «да»!

«Фил, предложи узнать мнение телезрителей! Ты понял? Мнение телезрителей!»

«При чем здесь это? Не мешай!»

— Наши уважаемые оппоненты считают, что бесконечность подобна табакерке, из которой может выпрыгнуть чертик. Чертик, как ни странно, в буквальном смысле. И уверяют, что об этом сказано, если я не ошибаюсь, где-то в Библии.

«Цитата: «Человек есть бытие, посредством которого Ничто приходит в мир». Жан-Поль Сартр», — пропищал в правом ухе бригадир аналитиков.

— Все нет, — вмешался отец Тихон. — Над этими вопросами размышляли многие писатели. А процитировал...

«Не отдавай инициативу! Глуши! И не забудь: мнение телезрителей!»

— Наверное, не столь важно, кто это сказал, — перебил отца Тихона Филипп. — Но поскольку это не канонический текст, вам будет трудно доказать, что в данном случае вера не перешла у вас в суеверие. Грань между ними настолько тонка, настолько неуловима... Кроме того, великий философ и гуманист Жан-Поль Сартр считал, например, что «человек есть бытие, посредством которого Ничто приходит в мир».

А с этой точки зрения — даже дух захватывает! — ваш удивительный эксперимент — священная миссия человечества!

Но мы, кажется, чересчур отвлеклись. Экстразрителям, вероятно, было весьма интересно узнать вашу точку зрения на сегодняшнюю Игру, но я не думаю, что она на все сто процентов совпадает с мнением творца хитроумнейшей установки, предназначенной для проверки гениальной — я не боюсь этого слова — да, гениальной идеи! И потом, не кажется ли вам недемократичным, наш юный друг, принимать столь важное решение, не спросив об этом у экстразрителей? Сейчас у экстранов собралось уже более трех миллиардов людей, жаждущих принять участие в Игре! Самой интересной Игре с бесконечностью за все время существования передачи! Как можем мы обмануть их надежды, их чаяния, даже не узнав мнения по этому архиважному вопросу?

Ну и что дальше? Захар, кажется, всенародный референдум решил провести. Но его готовить нужно минимум две недели. И результаты потом трое суток обрабатываются...

— Я полагаю, что, как автор идеи и экспериментальной установки, я имею право «вето», — осторожно сказал Вольняев. — И хочу им воспользоваться.

— Значит, вас не интересует мнение экстразрителей? — изумилась Лана. — Вы даже не хотите его узнать?

Ага, вот какие сети расставил академику Новичаров! Проявить неуважение к экстразрителям — непростительно! Научная карьера Вольняева, несмотря на былые заслуги, кончена. Единственное, что теперь может спасти нобелевского лауреата, — успешное проведение Игры!

— Нет, — твердо сказал Вольняев. Отец Тихон улыбнулся — ласково, беззащитно...

«А напрасно. Вы все-таки взгляните», — подсказал Новичаров.

«Куда взгляните?»

«Фил, время прямого эфира на исходе! Не трать его зря! Повтори: «А напрасно, вы все-таки взгляните, конец фразы. Не повторишь — конец всему! Ну, миленький, давай!»

Кажется, я теряю контроль над обстановкой. Теперь все зависит от Новичарова и бригады аналитиков.

Экран заволочло серой дымкой. Сверкнула золотом опрокинутая восьмерка, превратилась в колесо.

Сквозь фиолетовый туман проступила площадь, заполненная людьми. Сколько их — пять, десять тысяч? Над устремленными в одну и ту же сторону головами вспыхивают на цветных дымах слова: «Хотим...Игру!» И толпа в такт вспыхкам ревет: «Хотим! Игру!» А там, куда все смотрят, на огромном экстрани — уменьшенное изображение той же толпы. И через некоторое время уже с экстрана доносится эхом: «Хотим! Игру!»

Ай да Новичаров! И когда он все успел организовать?

Это ведь Университетская площадь! Когда полчаса назад ехали, там еще почти никого не было!

Толпа, наконец, увидела на экстране себя самое и взревела: «У-у-а-у-о!» Но запрокинутые головы тотчас поплыли вправо, и на экстране появились входные двери Института. Их осаждала толпа подростков. Спецназы, укрываясь за высокими щитами, с трудом сдерживали натиск. За их спинами темнел крохотный черный островок. Монахи обреченно ждали своей участи.

«Даешь!» — взвился над бурлящей людской массой одинокий истошный крик.

— Даешь! — ревом ответила толпа.

В спецназов полетели камни. Лопнуло и разлетелось вдребезг большое зеркальное стекло.

— Если мы немедленно не начнем Игру, через десять минут эти безумцы будут здесь, — спокойно сказал Главушин. — Поздно. Время для принятия решений упущено. Они просто разорвут нас на части.

— Пускай, — негромко ответил отец Тихон. — Лучше мученическая смерть, чем пришествие дьявола.

Вольняев обреченно кивнул головой.

Рев толпы внезапно смолк. Филипп посмотрел на контрольный экстран. За столиком, украшенным цветами, вновь сидели удрученные участники самой популярной на экстравидении передачи.

— Итак, уважаемые экстразрители, ваше мнение однозначно: эксперимент должен быть проведен! — торжественно резюмировал Главушин. — Вам придется подчиниться воле народа, — с доброжелательнейшей улыбкой обратился он к Вольняеву. — В конечном итоге и вы, и мы, экстравизионщики, всего лишь слуги господина по имени Народ. Итак, я предлагаю вам немедленно включить установку!

— Нет! — выдохнул Вольняев и упрямо сжал губы.

«И что теперь, Зах? Приплыли?»

«Отнюдь. Мы уговорили одного из учеников академика включить установку. Твоя задача — нажать на клавишу «пуск».

Филипп на мгновение задумался.

Интересно, как это они себе представляют. А если Вольняев воспротивится и, скажем, просто заслонит ее? Интеллигентно и с достоинством? Мне что, силой его оттащить?

«Абсурд. Вы хотите запустить в прямой эфир «сцену в салуне», с потасовкой и мордобоем?»

«Беру все на себя. Фил, ты только не мешай и делай, что говорят!»

Захар явно свихнулся.

«Миша, давай заставку и вырубайся. Я отказываюсь вести передачу».

«Без команды режиссера не имею права», — отозвался Деловеев.

Главушин растерянно оглянулся. Пауза давно перехлестнула за границы допустимого. Тихон чуть заметно улыбался. Лана сосредоточенно смотрела куда-то вдаль.

Вот и устроил я тебе выход на Большой Экстран, девочка... Прости.

— Трусость — не лучшее качество ученого, — сказала вдруг Лана и посмотрела на Вольняева сверху вниз, словно мать на расшалившегося сына. — Но я полагаю, смельчаки не перевелись еще среди людей. Даже во время упадка и вырождения — то есть наши с вами времена! — настоящие мужчины, не бахвалясь мнимым геройством и не давая непосильных для хилого духа некоторых из нас — не будем показывать пальцем! — обещаний, лишь ждут своего часа, чтобы встать и скромно сказать: «Давайте это сделаю я».

Говорила Лана медленнее обычного. Брови ее были нахмурены, чересчур сосредоточенный взгляд буравил почему-то не академика, а вазу с цветами.

Она просто повторяет слова суфлера. И Зах, и Миха явно рехнулись. Или — сговорились погубить Игру? С моей помощью им этого не удалось сделать, так они воспользовались неопытностью Ланы!

Площадка контрольного экстрана начала вдруг быстро уменьшаться, съедаемая голубой дымкой, и через несколько секунд на ней остался только Филипп.

Что они затеяли?!

— Я полагаю, знаменитейший из всех ведущих экстравидения, Король Научного Репортажа Фил Главушин не побоялся проявить решительность и, подобно герою Тезею, откроет дверь в лабиринт, то есть нажмет на клавишу «пуск»! — прокомментировала Лана неожиданный ход режиссера. На контрольном экстране ее не было видно, и голос прозвучал откуда-то снизу, словно из-под столика, вернее, той его части, что уцелела на окутанном синей пеленой экстране.

Филипп вздрогнул. Миллиарды пар глаз смотрели сейчас на него. Одни с надеждой, другие с разочарованием, третьи с холодным любопытством. Все оттенки человеческих эмоций были в этих невидимых, но почти осязаемых взглядах.

Только бы не струсить.

— Нет! — задергался в кресле Вольняев. — Я не позволю!

Отец Тихон смотрел то на Лану — с ужасом, то на Главушина — со страхом и надеждой.

— Успокойтесь! — властно прошептала Лана. — И сядьте! Фил лишь проинмитирует нажатие клавиши. Надо же как-то выбираться из... ситуации, в которую мы по вашей милости вляпались?

Захар явно суфлировал ей «из дерьма». Не учел, что подобные слова Лана не может произнести даже шепотом.

— Но установка исправна! — возмутился Вольняев. — Что вы из меня идиота делаете?

— Вы хотите, чтобы Фил и в самом деле нажал на клавишу?

Главушин усмехнулся.

А если бы все это выскочило в эфир? К счастью, звукотехники сработали четко, с контрольного экстрана не донеслось ни звука. Словно былинный богатырь, восседал на кресле знаменитый ведущий Фил Главушин и загадочно улыбался в усы. Идиот.

По периметру паукообразной установки вспыхнули разноцветной россыпью огни и разом погасли. Остались только расположенные треугольником зеленый, синий, желтый. В центре треугольника алел большой пятиугольник с лаконичной надписью «пуск».

На экстране вихрилась опрокинутая набок золотая восьмерка.

Вольняев недоуменно переводил взгляд с Филиппа на Лану и обратно.

— Какая гадина включила установку? — прошептал он.

«Ну, Фил, давай! Помни, ты — воплощение мужества и решительности! А главное, четко выполняй команды. Лана, быстро на подиум! Заставка кончается!»

Подиум — это, видимо, небольшое круглое возвышение прямо перед «головой» паука. Больше всего он похож... Зах, что, решил в качестве объекта передачи...

Лана медленно встала, плавно, словно сомнамбула, подошла к установке, поднялась на подиум, зажатый между блестящими металлическими «лапами». Объективы нескольких экстример, усеивавших, подобно глазам, голову паука, скрещивали теперь на ней свои хищные взгляды.

«Фил, давай к установке! Живо!»

Главушин послушно вскочил с кресла, подошел к брюху паука со стороны красной клавиши. Вольняев, так и не дождавшийся ответа на свой вопрос, то порывался встать с кресла, то недоуменно смотрел на отца Тихона. Ему явно не хватало мужества и решительности.

«Что сказать-то?»

«Пока говорит Лана. Включись по команде».

На экстране уже растаяла фиолетовая дымка.

— Итак, уважаемые экстразрители, через несколько секунд произойдет — если экспериментальная установка, конечно, работает, — знаменательное событие в жизни человечества: оно впервые лицом к лицу встретится с бесконечностью. Поскольку академик Вольняев отказался от участия в передаче, объектом первой трансляции, с вашего позволения, стану я. Опасно это не более, чем фотографирование, так что особых поводов для волнения у меня нет.

Главушин посмотрел на контрольный экстран. На нем были лишь паук, он сам рядом с красной клавишей и Лана на подиуме.

Так на что все-таки похоже это возвышение? И достаточно ли решительно я выгляжу?

— Смею предположить, уважаемые экстразрители согласятся с тем, что выступать от имени человечества на первой встрече с бесконечностью должна представительница его прекрасной половины? — кокетливо улыбнулась Лана.

Господи, как она хороша сейчас! Быстрее бы все кончилось. Пусть как угодно кончится — только бы она осталась со мною, только бы целовать эти губы и смотреть в бездонные глаза...

— Не согласен! — протестующе покачал рукою Главущин. — Вношу поправку: прекрасная представительница человечества!

Щеки Ланы чуть заметно порозовели. Опустив голову, она положила правую руку на левое плечо.

На секунду Филипп забыл о мужестве и решительности.

Это она пытается спрятаться от заинтересованных взглядов миллиарда с лишним мужчин. Вспомнила, что одета в «полуинтим», и пытается закрыть грудь. Недотрога ты моя драгоценная!

«Фил, ремарку насчет времени отклика! — прохрипел Новичаров. — Быстрее, у нас осталось только восемь минут прямого эфира».

— Итак, через сто тридцать семь секунд обитатели бесконечности — если они есть, конечно, — смогут, подобно нам с вами, насладиться образом прекрасной земной девушки. А еще через две с небольшим минуты мы можем ждать уже их ответ. Вы спросите, почему так быстро? Ведь жителям Завселенной, Внеуниверсума, понадобится немалое время для того, чтобы раскодировать экстравизионный сигнал, подготовить соответствующую аппаратуру и послать ответный образ. Да, конечно. Но, как утверждают ученые, Пространство и Время родились одновременно с нашей Вселенной и за ее пределами просто не существуют. Поэтому то, что для нас происходит мгновенно, на противоположном конце космического провода, волшебной нити Ариадны, может длиться, происходить вечно. Итак... Три, два, один... пуск!

Главушин накрыл клавишу ладонью, энергично крутанул кистью, имитируя нажатие. Повернулся с гордым видом, напыщенно произнес:

— Свершилось! Исторический миг настал!

Ничего, естественно, не произошло. Но объявить об этом можно будет только через четыре с половиной минуты. А пока...

«Подойди поближе к Лане, — пропищал Деловеев. — Я хочу изменить ракурс съемки».

Филипп послушно сделал два шага по направлению к подиуму.

— Раз, два, три — огонь пали! — скороговоркой передразнил его где-то рядом Циркалин.

Главушин непроизвольно оглянулся. Неведомо когда появившийся Леня Циркалин, судя по всему, только что отпрянул от установки и торчал теперь рядом с отцом Тихоном, глупо улыбаясь. В телеочках-пенсне блестками отражались юпитеры.

Что он тут делает? Кто его пустил в кадр?

Филипп скосил глаза на контрольный экстран. Нет, установка была уже за его рамками. В фокусах экстранера только он сам и грустно улыбающаяся Лана.

Филипп улыбнулся в ответ.

Так какого черта вертится здесь Циркалин?

Разноцветный треугольник на брюхе паука вдруг погас на мгновение и снова вспыхнул. По периметру установки, словно по борту корабля в праздничную ночь, тоже вспыхнули огоньки: шесть голубых, шесть желтых, шесть красных.

— Что вы наделали?! — вскочил наконец со своего кресла Вольняев.

— Мне показалось, Фил плохо нажал на кнопку, — объяснил сияющий, словно новая копейка, Циркалин. — Вот я и подстраховал!

Филипп повернул голову в сторону контрольного экстрана. Ни образы Циркалина и Вольняева, ни их реплики в эфир, конечно, не пошли. Только теперь перепопсанный цветными огоньками паук выползал на экстран. Лана застыла на возвышении между его лапами, закрывая правой рукой грудь и упавшими со лба волосами — лицо. Оправа телеочков — в тон колготкам — с трудом просматривалась за густыми золотистыми прядями.

Что-то ослепительно вспыхнуло вдруг — и Лана исчезла.

— Что за черт! — выдохнул Вольняев. — Такого не должно...

Академик подбежал к подиуму, поднялся на него, поводит руками, словно бы играл в жмурки. Но «поймать» Лану ему не удалось.

— Уйдите отсюда! — приказал он Циркалину. — И не вздумайте кто-нибудь отключить установку! Пока она работает на прием, есть надежда... — Тяжело сойдя с подиума, Вольняев проковылял на негнущихся ногах к брюху паука, остановился рядом с круглой белой кнопкой. От его молодого задора не осталось и следа.

Нужно бы что-то сказать. Ведь экстранеры работают, в эфир идет черт знает что... Все, кроме мужества и решительности...

— Как видите, уважаемые экстразрители, Игра приобрела несколько неожиданный оборот, — жизнерадостно завопил Новичаров, незаметно появившийся рядом с Филиппом. — Позвольте представиться: Захар Семенович, бессменный режиссер передачи. Друзья зовут меня просто Зах. До сегодняшнего дня вы видели мою фамилию — Новичаров — только в титрах. Но вот пришла минута, когда я должен помочь

нашему всеми любимому, знаменитому ведущему Филу Главушину с честью выйти из весьма непростой ситуации. Фил — мой лучший друг, а друзей, как известно, в беде не бросают. Потрепав Филиппа по плечу, Новичаров продолжал по-прежнему жизнерадостно:

— Но я уверен, все кончится хорошо. Наверно, в установке была небольшая неисправность. По-видимому, наш выдающийся ученый, академик и нобелевский лауреат Алексей Вольняев сейчас устранит ее, и все вернется на круги своя. То есть наша очаровательная ведущая, живая и невредимая, вернется сюда, в лабораторию и, разумеется, на ваши экстернаны.

Филипп медленно, по-стариковски поднялся на подиум.

Эшафот — вот что он мне напоминает. Достаточно ли мужественно я выгляжу?

— Где Лана? Что вы с нею сделали? — спросил Главушин у Вольняева и Новичарова одновременно.

— Не знаю, — тихо ответил академик.

— Фил, но ты же сам согласился нажать на кнопку! — обиделся Захар. — Не волнуйтесь, уважаемые экстрасрители, все будет хорошо. Внутренний голос говорит мне, что недо-разумение вот-вот уладится.

— Покиньте подиум, — попросил Вольняев. — Установка работает на прием. Возможно, через несколько секунд...

Главушин нерешительно, словно помилованный за минуту до исполнения страшного приговора, сошел с эшафота. Тотчас за его спиной что-то сверкнуло, бухнуло... Резко обернувшись, Филипп увидел Лану, живую и невредимую. Рядом с нею стоял какой-то незнакомец, очень высокого роста. Лана двумя руками держалась за его правый локоть, словно боялась упасть.

Выглядел незнакомец весьма необычно. Одет он был в старинную, плотно облегающую тело одежду. Камзол, кажется? Ну да, конечно, камзол из кармазина с золотой ниткой. На голове — черная шляпа с широкими полями, осененная петушиным пером. У левого бедра незнакомца болталась шпага с выгнутым в виде змеиной головы эфесом. Завершала это маскарадное одеяние широкая накидка, сшитая, несомненно, из той же материи, из которой кроит для себя платья самая непроглядная и зловещая ночь.

«А в плечах она задиралась вверх и в стороны наподобие кавказской бурки, — запищал вдруг в левом ухе голос Лени Циркалина, — но так энергично и круто, с таким сумеречным вызовом, что уже не о бурке думалось — не бывает на свете таких бурок, — а о мощных крыльях, скрытых под черной материей».

«И куда я должен вставить эту цитату? — обозлился Филипп. — Тебе в зад?»

— Ну вот видишь! — бурно обрадовался Новичаров. — Ничего с твоей невестой не случилось. И теперь я с удоволь-

ствием возвращаю бразды правления. У нас еще целых две минуты прямого эфира!

Новичаров исчез.

Желтый дым стекал тяжелыми волнами от ног незнакомца, неся с собой резкий, едкий запах и могильный, непереносимый холод. Главушин обхватил руками плечи, пытаюсь согреться, и не отрывал взгляда от обольстительной, как никогда, Ланы.

Ни телеочков, ни лифчика, ни даже колгот на ней теперь не было. Из-под съехавшей набок, разорванной до пояса кофточки бесстыдно выглядывала правая грудь.левой Лана сладострастно прижималась к локтю незнакомца.

А может быть, это вовсе не она?

— Лана! — позвал Филипп. — Что с тобой?

Девушка взглянула на него невидящими распутными глазами и, сложив искусанные губы трубочкой, потянулась к своему спутнику — за поцелуем.

Незнакомец высвободил руку, обнял Лану за талию, другой рукой накрыл и придавил упругие груди.

— Приветствую жителей Земли и Системы! — носовым, нарочито благозвучным голосом сказал он. — И благодарю за прекрасный дар. Лучшего способа отметить это важное событие я не придумал бы.

Правая — невероятно длинная — рука незнакомца съехала с тонкой талии и проскользнула под пояс многослойной юбки, опустилась ниже...

Голова Ланы запрокинулась, глаза полузакрылись, из открытых губ вырвался сладострастный стон.

Кровь ударила Филиппу в лицо. Он рванулся к подиуму. Незнакомец взглянул на Главушина с холодным любопытством. Глаза у него были огромные и выпуклые, как яблоки, блестящие, черные, и вспыхнул в них такой яростный, бешеный напор пополам с отвращением, что Филипп замер, словно парализованный.

«Взгляд этих глаз действовал как жестокий удар, от которого наступает звенящая полуобморочная тишина», — подсказал Циркалин.

Филипп хотел ответить ему «заткнись!», но даже беззвучно не смог сказать ни слова.

— Я пришел дать вам свободу, — хорошо поставленным актерским голосом продолжил незнакомец. — Вы, опутанные густой сетью нелепых предрассудков, не живете достойной человека жизнью, но существуете запертые, словно в тюрьме, бесчисленными запретами и табу. Я разорву ненавистные вековые путы! Ваша хилая наука, насильственным образом оторгнутая от груди матери-магии, не в состоянии освободить вас от тяжелого труда по добыванию хлеба насущного. Я сделаю и это!

Главушин попытался повернуть голову — и не смог. Огромным усилием воли ему удалось лишь скосить глаза в сторону контрольного экстрана. Там тоже был незнакомец, и так же

стекал от его ног леденящий желтый туман, и Лана, запрокинув голову, так же млела от сладострастия. Но выглядел ее кумир совершенно иначе. И ростом гораздо ниже, и одет совершенно по-другому...

«Белый воротничок, галстук бантиком, на изогнутом носу роговые очки, а из-под них мерцают влажные, темные, с красной точкой глазки...» — забубнил Циркалин.

— И тогда, — продолжал незнакомец бархатным вкрадчивым голосом, — вы постигнете наконец смысл жизни, и вновь воцарится на земле золотой век. Мужчины — все до одного — будут неутомимы в изощренных любовных ласках, женщины, тоже все до единой, станут несравненно прекрасными и темпераментными. И никто не посмеет омрачить ваше счастье пустыми запретами и страхами...

Странно, но на контрольном экстрание незнакомец не только выглядел чуть иначе, но и вел себя несколько пристойнее. Его мягкая худая рука просто обнимала Лану за талию, другая сжимала старинные песочные часы с красным песком. Но глаза из-под роговых очков пылали тем же яростным напором пополам с отвращением.

Какое-то слабое движение произошло возле эшафота. Отец Тихон, пересилив оцепенение, с трудом, словно в руке его была двухпудовая гиря, поднимал висевший на его груди небольшой серебряный крест. Но незнакомец, обнимавший Лану на контрольном экстрание, поспешно оставил ее и вихрем налетел на отца Тихона. Вырвав из слабых, по-девичьи тонких рук крест, он бросил его на пол и придавил ногой, обутой в желтый стоптанный башмак.

Лана, повиснув на незнакомце, так и оставшемся на подиуме, впилась в его шею страстным, бесстыдным в своей похоти поцелуем. То же самое она делала на контрольном экстрание, но целовала — пустоту.

Филипп закрыл глаза.

Если незваный гость сошел с экстрана здесь, в лаборатории, значит, это же самое он может проделать в любом уголке Земли и Системы, лишь бы там был включенный экстравизор. На корабли межзвездных экспедиций сегодняшняя передача тоже транслировалась, впервые в истории космонавтики...

С грохотом упало кресло.

Филипп открыл глаза.

Вольняев изо всех сил давил на круглую белую кнопку. На брюхе паука вспыхнула надпись «стоп» и сразу же погасла. Вслед за нею погасли и бежавшие по кругу разноцветные огни. Но оба незнакомца лишь расхохотались: один громкоподобно, другой гнусаво и оба — издевательски.

От желтого дыма стыли ноги и сердце.

Остро пахло серой.

Владимир ГУСЕВ родился в 1950 году в городе Велякие Луки. В 1974 году окончил Московский инженерно-физический институт. В настоящее время — ведущий инженер одного из киевских НИИ. Публиковал свои произведения в периодических изданиях и коллективных сборниках. В 1970 году выступил в «Искателе» с рассказом «Мухоловка Ломтикова».